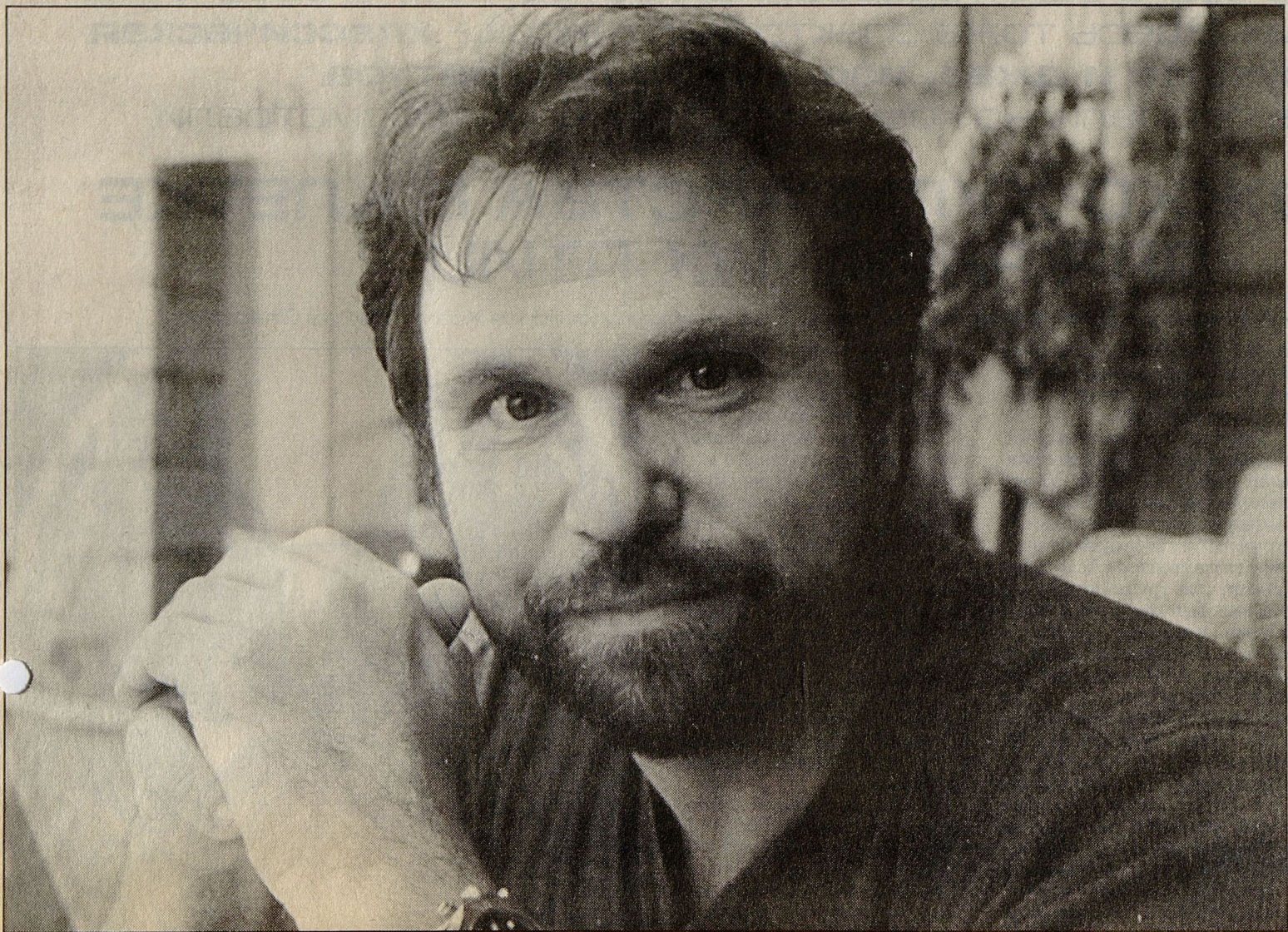

Сергей ЛАРИН: *Вет. клуб - 2001 - 3 авг. - с. 5* В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ Я ОКАЗАЛСЯ ГАДКИМ УТЕНКОМ

Генуэзский театр «Карло Феличе» посвятил столетней годовщине смерти Верди несколько спектаклей, один другого лучше. «Дон Карлос», завершающий сезон, **превзошел все ожидания**. К постановке был привлечен Уго де Ана, большой эстет, заставляющий сценографов **творить чудеса**. Вот и на этот раз, когда открылся кружевной занавес, зрители ахнули — настолько восхитительной оказалась картина: позы, краски, свет. Словно ожило полотно живописца эпохи Филиппа Второго. Среди всей роскоши испанского двора не потерялся образ инфанта Карлоса, гениально созданный **Сергеем Лариным**. Выверен каждый жест, каждый поворот головы, поступь. Все в полной гармонии с совершенным творением Верди. С певцом встретилась в Генуе наш специальный корреспондент Динара Агапи.

— Здесь, на Западе, ты — один из ведущих теноров. Я имею в виду не раскрученные и почти эстрадные имена Паваротти, Доминго, Каррераса, а тех, кто тянет на себе лучшие оперные постановки. В России же твоё имя известно лишь узкому кругу. Зато Баскова знают все. Это невнимательность прессы?

— Российскую прессу обвинять тут особенно нечего. В России я практически не выступаю. И не потому, что не хочу, а потому, что не зовут, или зовут мало, или зовут плохо. Я повторяю это на каждом шагу. Хотя как человек оптимистического склада верю, что мой звездный час на родине еще впереди.

— Что значит «зовут плохо»?

— Понимаешь, когда тебя зовут: «Не хотите ли приехать и чего-нибудь спеть?» — это не приглашение, я уже отвык от такого стиля работы. Другое дело, когда говорят: «У нас такой-то репертуар; хотите концерт, хотите спектакль? Что вас интересует?» Я привык к конкретным деловым разговорам, потому что жизнь интенсивно выступающего певца расписана на несколько лет вперед, и времени на свободную импровизацию не остается. Но я все равно русский певец, и все, что я делаю, я делаю от лица России.

— Насчет конкретных предложений сейчас сложно. Крупные репертуарные театры, за исключением Мариинки, пребывают в творческом кризисе.

— Я отслеживал всю ситуацию с Большим. И не понимаю одного, просто отказываюсь понять: как это в таком государстве, при таком количестве умных, талантливых и амбициозных людей вдруг возникает неразрешимая проблема, кого поставить во гла-

ву Большого! Это смешно, нелепо и, по-моему, говорит об узколобости людей, которые принимают решения. Не поверю. Ладно бы речь шла о государстве Андорра. А тут — либо леность ума, либо... Ну, понимаешь. У меня такое ощущение, что у нас постоянно хотят поставить или на бегущих рысаках, или на заезженных, прости за грубое слово. Почему не обратить взор на людей не столь известных, но наделенных теми качествами, которые реально помогут вывести Большой из кризиса?

— Расскажи о себе. Откуда ты родом? Как начал петь?

— Родился в русской семье недалеко от Риги, детство мое прошло там. Отец после демобилизации выбрал Прибалтику. Но я себя считаю нижегородцем, горьковчанином. Там учился в инязе на переводческом факультете, на французском отделении.

— Итальянский тоже там учил? Когда ты поешь по-итальянски, у тебя каждое слово понятно.

— В инязе берет начало и любовь к языкам, и особое трепетное отношение к слову. Одним из первых людей, кто вселил в меня надежду перед поступлением в консерваторию, была Екатерина Константиновна Иофель, педагог Хворостовского. Она сказала: «Данные для начала занятий безусловные, но надо много трудиться».

Родители отнеслись с пониманием: «Ну, раз хочешь петь, пой. Видим же, что душа рвется». И в 22 года я поехал в Литву — конкретно к Виргилиусу Норейке. Это был мой идол. Мы с мамой обожали его слушать. Знал я и о том, что он был на стажировке в Ла Скала. Вот за этой-то итальянской школой я в Литву и поехал. Норейка был и остается единственным педагогом всей моей жизни. Все

остальное — я сам. Я очень жаден до поиска. Моя карьера складывалась медленно, но верно. Мне не суждено было воспарять, потому что я все построил вот этим горлом и вот этой головой. За мной никогда не было сил, которые бы меня толкали.

— Скажи спасибо, что не мешали.

— Вот! Не мешали! Я думаю, все в моей жизни было закономерно: уже на втором курсе — дебют в роли Альфреда в «Травиате» на сцене Вильнюсского театра в 1981 году, десять лет работы в Вильнюсе. Это Ленский, Фауст, Юродивый в «Борисе Годунове», «Богема» — я много пел. Норейка же был и директором театра, он открыл мне зеленую улицу: я пел все, что хотел. Это уже потом была такая странная, непонятная стажировка в Большом театре. Я почувствовал, что мне необходима струя свежего воздуха — и пробил себе эту стажировку. Полгода провел в стенах уже тогда бывшего храма искусства. Это был 1987 год. Я приехал к Зурабу Соткилаве, он согласился меня принять, а потом со мной работать не стал, потому что ему не хватало какой-то бумаги, по которой он должен был получать деньги за работу. Он сказал: бумаги не будет — заниматься со мной не станет. А человек, который должен был подписать бумагу, лежал на смертном одре.

— Неужели такое возможно? А считается, что наши педагоги славятся бесребреничеством!

— Да вот, представь себе! Тем более, я был от республики — типичный гадкий утенок, никому не нужный. И из-за 50-и рублей, которые не получил Соткилава, вся моя стажировка свелась к тому, что я имел право смотреть спектакли. Но я, по крайней мере, увидел, как живет сложный, во многом опасный механизм гигантского театра. С тех пор я понял, что состоять в труппе даже самого престижного театра — дело не мое. Потому что люди там, помимо творчества, очень много времени и сил тратят на пустые вещи, на игру амбиций, на самоутверждение. А в творчестве конкуренция, по большому счету, бессмысленна. Занять чужое место в искусстве нельзя.

— Ты уехал на Запад, когда началась перестройка?

— Судьба дала мне козырную карту: подвернулось предложение из словацкого Национального театра. Там ставили «Пиковую даму». Я в то время драматический репертуар не пел, но мне, как пролетариату, нечего было терять. Или справлюсь, или нет. Затем была Вена, а через год я дебютировал в Ла Скала, в третьем составе «Адриенны Лекуврер» с Наташей Троицкой. Я долго не мог поверить, что я пою в Ла Скала, моей вождь-ленной Ла Скала! Я ночей не спал!

— Скажи, куда подевались итальянские теноры?

— А где вообще итальянская школа пения? В наши дни она про-

сто нивелировалась. Сейчас лучшие голоса появляются чаще всего либо из Америки, либо из России. Утеряны очень важные традиции в воспитании голоса. Например, накопление опыта в малых театрах. Сейчас все хотят дебютировать сразу в Ла Скала. Но и Ла Скала, между прочим, которая была и должна оставаться последним пунктом признания, сильно мельчает.

— Какой же, по-твоему, театр сегодня представляет высший знак качества?

— Одного назвать не могу. Скажем, Метрополитен формально на это претендует, бия себя кулаком в грудь и утверждая повсеместно: «Мы — лучший театр в мире!» Но это миф. Венская опера в последние годы потеряла статус театра престижного — участие в ее спектаклях еще не есть свидетельство твоей принадлежности к певческой элите. Не назову и Ковент Гарден.

— Значит, Ла Скала все-таки еще ничего?

— Ла Скала живет своим прошлым. Когда театр на много лет отдается в безраздельную власть одного человека — каким бы гениальным этот человек ни был, все равно в какой-то момент он становится тормозом. Личный вкус невольно накладывается на репертуарную политику, на выбор исполнителей. Я с большим уважением отношусь к Риккардо Мути как к дирижеру, но, зная что контракт с ним продлен до 2007 года, уверен, что никаких кардинальных изменений не произойдет.

— Помимо безупречного вокала, твой Карлос — блестящая актерская работа. Это природный дар?

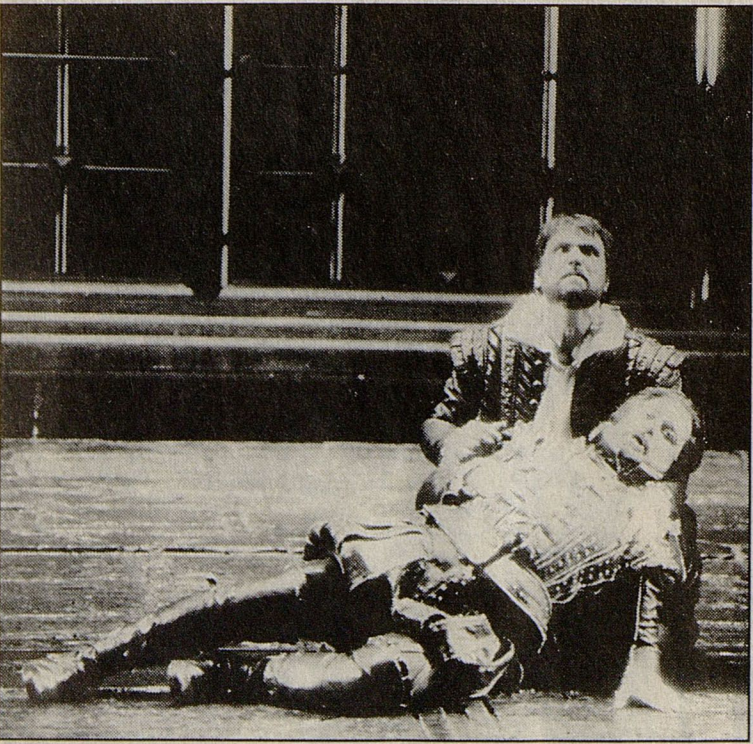
— Вся моя актерская школа — один курс подготовительного факультета консерватории. Но театр я любил всегда. Высшее достижение для меня, когда швов нельзя найти, где вокальная, а где актерская сторона. Дон Карлосов я спел уже немало, это 11-я постановка. Но здесь Уго задал самый острый внешний рисунок роли.

— Помимо пения, у тебя есть еще какие-нибудь увлечения? Есть семья?

— Моя жена работает в театре в Братиславе. Она тоже певица, и мы уже 20 лет вместе. Хотя быть женой артиста, который никогда не бывает дома, сложно. Здесь требуется большая жертвенность. А из увлечений... Я обожаю встречаться с друзьями, когда есть возможность.

— Какие твои персонажи выйдут на сцену в ближайшее время?

— Летом «Аида» в Кальяри, «Дон Карлос» на фестивале в античном театре Оранж. Потом я еду в Сан-Франциско — впервые петь Самсона с Ольгой Бородиной в опере «Самсон и Далила». Это будет праздник и для души, и для сердца, и для уха. Зимой я дебютирую в «Манон Леско» в Мюнхене.

Сцена из генуэзского «Дона Карлоса». Карлос — Сергей Ларин; Родриго ди Поза — Роберто Фронталли.

Larin Sergey

03.8.01